

* * *

Качели, замершие в воздухе,
Что это: выдох или вдох?
Для передышки или роздыха —
Переворот, переполох...
Минувшее сомкнулось с будущим,
Ни слез не ведая, ни зла.
И Родина, примерив рубище,
Стальной розой проросла.
И — строились идеи-крепости,
Искали перемен ветра,
Отринув незавидной крепости
Обломки прежнего «вчера».
И все-таки, кто мог раскачивать
Летающие из века в век
Качели Родины растроченной,
Что это был за человек?!
Мы сами породили новое,
В железно-страшный век летя,
Войны разгневанно-пунцовое
Жестокосердное дитя.
И пройдено немало, вроде бы.
Но сколько призрачных обид!..
Ветра качельные над Родиной.
...И небо Родины кровит...

* * *

Встречай, деревня Марьевка,
Из города родню...
Где я девчонкой маленькой
Взрастала день ко дню.

Табачину накручивал,
Ворча, на лавке дед:
«Чай, ничаво, научисься!
Вон старый «лисапед»...
Чай, ничаво, садись да едь,
Педадь крути-верти.
А упадешь, так встанешь ведь,
Чай, не конец пути!..»...
Поеду под мальчишечий
Задорный-вздорный смех.
И хлопнусь, грязь канавную
Коленками задев.
Давлюсь-глотаю слезыньки —
Смешно им, пацанам:
Ну, оченно сурьезная
Заезжая мадам!
А после с бабой Клавою,
Минуя огород,
В даль выйду величавую —
В калитку — летний ход
...Там, за малинным маревом,
Где память детства ждет,
Меня в деревню Марьевку
Никто не позовет.
Где маленькой девчонкою
Мечтала и росла.
Из-за околиц звонкая
Святая даль плыла.
Вертелся под педалями
Велосипедный путь.
Где сил не исчерпали мы
Весь мир перевернуть.

* * *

Я — не перчатка и не груша. Я — удар.
И — беркута прицельное круженье.
Господня кара иль Господний дар —
Врагов Христа крушить на поражение?

И вновь степного беркута полет
Подобен пуле, устремленной к цели.
Он по пути такую высь берет,
Что до него другие не посмели.

Сто верст окрест хмельная ширь сквозит.
В лугах шалфея ветер разметался.
Подобный пуле беркут вдаль летит...
...А на руке у вас — ручным казался.

Новокуйбышев. Бабушка Анна.
 Душный август... Прости-прощевай,
 Край охранный мой, обетованный,
 Вспоминай обо мне, вспоминай!..
 Край наследный мой — мир соколиный,
 Мой неожиданно-негаданный рай.
 Домик в листьях отцветшей малины,
 Блик остатного солнца вбирай!
 Может, мнится мне, как барабанят
 По залатанной кровле дожди,
 Иль меня окликает бабаня
 Дробным сердцебиеньем в груди?..
 Иль туман-атаман Стенька Разин
 Снова губит княжну на реке?..
 Край соколий, не чувствуешь разве,
 То заря-кровяница в строке
 Иль студеная Волга-водица
 Все целует заплаканный клен?..
 ...Ночью что только нам не приснится!
 Тихий мой новорожденный сон...
 Это чувство вины запоздалой
 (Вспоминай меня, край, иногда!) —
 Осознать ценность родины малой,
 Покидая ее навсегда.

* * *

Разуверяясь в ближних, веришь в Бога.
 Пусть множество дорог, но путь — один.
 Тот путь ведет от отчего порога.
 И он тебе — Господь и господин.

Земная жизнь расхристана всечасно...
 Винить судьбу — что призрака винить.
 Лишь в юности так дерзко, так напрасно
 Мы тщимся мир подлунный изменить.

Укрыта зябким инеем потери
 Прискорбная планида суждена —
 Стучаться в заколоченные двери
 И вглядываться в пустоту окна.

* * *

Уходит богомолкою в скиты,
 Приходит городскойю молодежи...
 И сводит разведенные мосты,
 И под мостами реками змеится.

Неразделима с грешницей-судьбой,
Влекомая непогрешимо дальше —
Срывать мосты и предъявлять собой
Поэзию без надуми и фальши!

Сумей еще, попробуй удержишь
От дерзкого лихого ветродуя!..
Она зовется полнокровно: жизнь —
Ты просто возлюби ее такую!

* * *

Здесь петляют дорожные дали,
Фонари в полумраке дрожат.
Здесь расхристанный ветер распяли
Или взрезали дождь без ножа...

Здесь на тех, кто столь юн, сколь отчаян,
Путеводные смотрят огни.
И гостей здесь встречают не чаем,
Ближе ближних отныне они.

Перебежная тропка-дорожка,
Порубежные веси-края:
Ехать в сторону счастья сторожко
От другой стороны, где семья.

Уезжают всегда от кого-то,
Было б только к кому уезжать...
Эта странноприимная квота
В двух словах — провожать и встречать.

* * *

Крутится с песней по детской юла,
Пляшет юла.
Сына себе — молода и кругла —
Я родила.

Только заплачет мой славный кричун —
Юлку кручу.
Сын улыбается, нежен и юн —
Мир по плечу!

Ну а про то, что великая стынь
Застит пустырь,
Пусть до поры не узнает мой сын,
Мой богатырь!

Маленький дом наш — четыре угла,
Дни да дела,

Сын подрастает, тружусь, как пчела —
Пляшет юла.

Крутится ночи и дни напролет,
Пляшет, поет.
Сын мой растет, и тревога растет
Из года в год.

Как ни раскручивай, как ни крути,
Шар наш земной —
Сын мой, надежда моя во плоти
Передо мной!

Будни — тщета, суета, маята,
Продыху нет...
Певчей юлой озаряет мечта
Детский рассвет!

Как ни юли, так созвездья легли.
Мчится волчок!
Яркий маяк ты мой, чудо земли,
Мой светлячок!..

* * *

За разлукою встреча, за встречей разлука,
Нет нужды называть имена...
Тополиная стылость — скупая порука —
Без вины виноватых вина.

Участь всех разлученных звать к милосердию
От начала библейских времен...
Отчего же бедой отдается в предсердьи
Свято-Троицкий ласковый звон?

И растет, и гудет, подпирая некрополь,
Исполиновый, как на духу,
Вечно памятный, неумираемый тополь,
И земля утопает в пуху.

Снова временный высверк внезапной любви
Гасит ненависти прямота...
Шелестит растворенное в листовном слове
Первородное имя Христа.

День и ночь отпевает расхристанный ветер
Расставальный разлучный рассвет...
И щебечут птенцы — соловьиные дети:
«Смерти нет, смерти нет! Смерти нет...».